

Отзыв официального оппонента на диссертацию

Михаила Николаевича Саенко

**ОБЩИЕ ИННОВАЦИИ В БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ
КАК АРГУМЕНТ В ДИСКУССИИ
О БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ ЕДИНСТВЕ**

представленную на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование Михаила Николаевича Саенко посвящено проблеме, многие годы вызывающей дискуссии в среде индоевропеистов, – проблеме существования балто-славянского единства. Балтийские и славянские языки имеют между собой много общих черт, в том числе таких, которые выделяют их среди других индоевропейских языков. Но, как показал ещё в XIX веке Иоганнес Шмидт, между любыми соседними индоевропейскими ветвями можно найти некоторое количество сепаратных сходств. В XX веке на примере уральской семьи Е.А. Хелимским было показано существование ареально-генетических сходств, обусловленных географическим соседством праязыковых диалектов, давших начало разным языкам-потомкам. Таким образом, сам факт наличия сепаратных сходств между балтийскими и славянскими языками не даёт однозначного ответа на вопрос, являются ли эти сходства общим наследием, приобретённым за время существования прабалтославянского языка, результатом географического соседства протобалтийских и протославянских диалектов в рамках праиндоевропейского единства или, может быть, вовсе результатом вторичных контактов, в которые вступили прабалтийский и праславянский языки после распада праиндоевропейского. Это делает тему диссертационного исследования М.Н. Саенко весьма актуальной. Возобновляя дискуссию о балто-славянском единстве, автор выдвигает новые аргументы, дополняющие и подкрепляющие те, что были предложены ранее.

Диссертация состоит из введения, трёх глав и заключения. Во введении автор обозначает объект, предмет, цели и задачи своего исследования, определяет его научную новизну и актуальность, обосновывает теоретическую и практическую значимость, а также формулирует положения, выносимые на защиту.

В первой главе излагаются теоретические основы метода общих инноваций в списке Сводеша. Автор рассматривает историю лексикостатистики и её основные постулаты, анализирует различные списки базисной лексики, отмечая важность тщательного этимологического изучения соответствующих языков как необходимого условия, без которого применение лексикостатистической методики приводит к некорректным результатам. Разные исследователи предлагали различные списки базисной лексики, М.Н. Саенко подробно анализирует их достоинства и недостатки; наиболее перспективным признаётся 50-словный список Г.С. Старостина. Столь же тщательному анализу подвергается формула вычисления времени распада праязыка, принципы составления лексических списков, трудности, возникающие как при работе с неполными списками, так и вследствие языковых контактов. М.Н. Саенко указывает на сложности при работе с древними плохо зафиксированными языками – в их списках получается слишком

мало слов, и из-за этого возможны серьёзные искажения в датировке, а кроме того, трудно в точности определить значение слов и их соответствие критериям включения в список.

Автор показывает, что общие инновации в базисной лексике как аргумент за существование общего прайзыка оказываются сильнее морфологии, поскольку языковой знак произволен, и если получить общую морфологическую инновацию можно в результате длительного билингвального контакта или даже независимо, то независимо придумать, что такая-то фонетическая цепочка должна получить именно такое значение, труднее, для контактов же базисная лексика не слишком проницаема (что получает весомое количественное подтверждение на с. 15–17 диссертации). Иное дело, что под влиянием контактов, как кажется, может возникнуть общая семантическая инновация, которая приведёт к развитию значения, входящего в стословный список, из значения, в стословный список не входящего, но, как пишет М.Н. Саенко на с. 46, эти вопросы он оставляет за рамками рассмотрения.

В диссертационном исследовании показано, что базисная лексика – это действительно частотные слова: так, согласно данным, приведённым на с. 51 и далее, в чешском языке 64 слова вошли в первую тысячу, 78 в первые две тысячи самых частотных слов, в польском 51 слово из стословника входит в первую тысячу, 76 в первые две тысячи наиболее частотных слов, в русском (по словарю Брауна на базе словаря Засориной) 68 слов из стословника вошли в первую тысячу, 84 в первые две тысячи самых частотных слов.

Чрезвычайно полезной представляется произведённая автором экспериментальная проверка того, каково среднестатистическое количество повторных замен в стословном списке Сводеша. Число это, как показывает автор диссертации, для разных языков различно, и, по мнению автора, неучёт этого фактора может отрицательно сказаться на применении математического аппарата глоттохронологии для получения абсолютных датировок. Единственно, поскольку нет устоявшейся терминологии языкового родства, скоррелированной со временем распада прайзыка, понятие «группы» оказывается несколько неопределённым; впрочем, на общий вывод о важности повторных замен это не влияет.

В конце первой главы приводится выполненная автором реконструкция праиндоевропейского стословного списка, сопоставляемая с аналогичными реконструкциями С.А. Старостина и Д. Адамса; автор тщательно обосновывает свои решения.

Вторая глава посвящена подробному анализу стословных списков пяти групп индоевропейских языков Европы: германской, романской, славянской, балтийской и кельтской. Полученные автором результаты чрезвычайно любопытны. Так, удивительно много инноваций оказывается в исландском языке, что ярко показывает отсутствие связи между языковыми изменениями и языковыми контактами. И удивительно мало инноваций оказывается в словенском языке, пережившем и сильное контактное влияние немецкого, и смену диалектной основы литературного языка.

Сравнение стословных списков показывает отличие «прароманского» языка, который можно реконструировать на базе ныне существующих романских языков, от классической латыни: так, во всех романских языках слово «камень» восходит к одной и той же праформе, не совпадающей с латинским названием камня; отличается от латинского слово, являющееся общим предком всех романских рефлексов со значением «большой»; все романские языки, кроме румынского, наследуют слово «белый» из одного и того же источника, не совпадающего с латинским словом. «Прароманские» слова «камень» и «белый» являются заимствованиями, но вопрос о том, были ли они заимствованы в отдельный от латыни «прароманский» язык или отдельно во все (или почти все) ныне существующие романские языки, остаётся открытым.

Ещё более любопытно, что в германских языках общие инновации распределены по подгрупповой принадлежности, тогда как в романских – по территориальной близости.

Это хорошо коррелирует с известным замечанием А. Мейе о том, что современные романские диалекты восходят не к промежуточным праязыкам «прафранцузскому», «прайтальянскому» и т.п., а напрямую к латыни.

В третьей главе описывается применение метода общих инноваций в базисной лексике к балто-славянскому материалу. Вначале автор рассматривает историю взглядов на балто-славянское родство, анализирует выдвигавшиеся ранее аргументы, показывая их неполную убедительность. Действительно, из общих инноваций в фонетике, морфологии и синтаксисе одни оказываются неуникальными, другие – тривиальными, так что ни те, ни другие, не могут являться однозначным свидетельством наличия в прошлом единого балто-славянского праязыка. Наиболее доказательным представляется выбранный автором метод анализа общих инноваций в стословном списке. И действительно, таких инноваций обнаруживается целых 14. Это сопоставимо, как пишет автор на с. 218, с тем количеством инноваций (13), которое выделяет болгарско-македонскую подгруппу внутри славянских языков, и несколько превышает число инноваций (10), объединяющих датский и исландский в пределах германской группы или русский и украинский (8) в рамках славянской группы. Поскольку языковой знак произволен, а контактные изменения в базисной лексике редки, наличие 14 одинаковых инноваций, выделяющих балтийские и славянские языки из всего массива индоевропейских, является, на мой взгляд, весомым аргументом в пользу того, что единый прабалтославянский язык действительно существовал, причём существовал достаточно длительное время.

В заключении излагаются основные результаты работы.

Некоторые частные решения, принимаемые в работе М.Н. Саенко, выглядят не вполне очевидными. Так, не очень понятно, почему современный русский назван в числе языков, где результатом второй палатализации является *dz* (с. 69): слово *зело* этого, как кажется, не демонстрирует. Неясно, почему португальское слово *branco* признано инновацией (с. 114), тогда как его испанский когнат *blanco* объявлен заимствованием. Непонятно, почему в некоторых случаях индоевропейские параллели служат аргументом в пользу оставления в списке одного из вариантов (как в случае выбора между «холодный» и «студёный», «дорога» и «путь» в славянском, см. с. 127, 148), а в других (как «шея», чешск. *krk*, имеющая параллели в санскрите, осетинском и др., см. с. 145) – нет. Трудно понять, почему для прабалтийского «кора» восстанавливается как **žeivē* при том, что во всех трёх языках, где есть слово с этим значением, представлены разные рефлексы; почему «чёрный» реконструируется как **kirsnas*, при том, что два языка показывают один и тот же корень (имеющий параллели, например, в греческом), а в двух других рефлексы различны; почему «кровь» восстановлена как **asin-*, если в двух языках представлены рефлексы и.-е. **krei-*, а в двух других рефлексы не совпадают. Неясно, почему наличие литовско-ятвяжского сходства признаётся недостаточным для того, чтобы реконструировать «волос», но вполне достаточным, когда необходимо реконструировать слова «красный» и «плавать». Непонятно, почему «видеть» названо общей инновацией прабалтийского и праславянского, имеющей латинскую параллель (с. 215), хотя выше основа **weid-* была реконструирована для праиндоевропейского. На с. 178 для значения «нога» в прабалтийском предлагается реконструкция **pēda*, хотя ни один из балтийских языков не сохранил этого корня в данном значении, ср. лит. *kōja*; лтш. *kāja*; прусск. *nage*; ятв. *kaj*. Скорее, возникает впечатление, что уже в прабалтийском и.-е. **pēda* ушло из стословного списка (ср. приводимые автором лит. *pēdā* «след», лтш. *pēda* «подошва, след»), и его место заняло **kōjā*. Не очень понятно, почему **min-* считается основным индоевропейским корнем для выражения значения «маленький» и не рассматривается возможность, что в праиндоевропейском он был, как и позднее в языках-потомках, супплетивной основой сравнительной степени.

Имеется также ряд мелких неточностей. Так, лук был неизвестен не только австралийцам (с. 12), но и, например, американским индейцам, числительные оказываются не столь устойчивыми, как хочется автору (с. 13), если брать большие

временные промежутки, например, праностратических числительных не восстановляется. По поводу исключения заимствований из подсчёта стоило бы упомянуть не только С.А., но и Г.С. Старостина – он показал, что лучшие результаты глоттохронологии получаются, если исключить в качестве заимствований все слова, у которых нет этимологии в других языках семьи. Индоевропейские этимологии для балтийских и славянских инноваций, приводимые на с. 217, не все достаточного качества, и это стоило бы, на мой взгляд, оговорить. Не указано, из какого языка заимствовано праславянское слово со значением «дождь» – индоевропейская этимология для него предлагалась и, как кажется, должна была быть упомянута и эксплицитно отвергнута.

Перечисленные нами спорные утверждения и неточности ни в коей мере не могут заслонить достоинства работы. Высокий научный уровень диссертационного исследования не вызывает сомнений. Наличие совместных балто-славянских инноваций кажется убедительным свидетельством реальности единого прабалтославянского языка.

Таким образом, диссертационная работа Михаила Николаевича Саенко «Общие инновации в балто-славянской лексике как аргумент в дискуссии о балто-славянском единстве» соответствует всем критериям Положения о порядке присуждении учёных степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. №74 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), являясь научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований предлагается решение задачи, имеющей значение для развития сравнительно-исторического языкознания. Автореферат и опубликованные в рецензируемых изданиях работы отражают содержание диссертации и соответствуют требованиям «Положения» ВАК Российской Федерации, а автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Д.Ф.н., старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
С.А. Бурлак

